

5. Зенько Ю. М. Современная психология и психотерапия и христианство //Знаменские чтения, 2000-2004. Сборник материалов. — СПб., 2006. — С. 270-275.
6. Зеньковский В.В. Психология детства. — М., 1996.
7. Копытин А. И., Богачёв О. В. Арт-терапия наркоманий. Учебное пособие. — М., 2008.
8. Лебедева Л. Д., Никонорова Ю. В., Тараканова Н. А. Энциклопедия признаков и интерпретаций в проективном рисовании и арт-терапии. — СПб., 2006.
9. Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла //Психологический журнал. — 1999. Т. 20. — № 3. — С. 48-58.
10. Малейчук Г.И. Качество идентичности как критерий психического здоровья личности // Психотерапия. — 2011. — № 6. — С. 74-79.
11. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М., 2006.

Г. Р. Зайнуллина

Школа при мечети г. Ижевска: дискурсивные практики молодых мусульманок

Рассмотрим повседневные дискурсивные практики молодых мусульманок, обучающихся при мечети г. Ижевска. В обыденной действительности ислам оказывается набором формул, необязательных для выполнения по тем или иным причинам. Мусульманином считается тот, кто не совершает пятикратный намаз, не носит традиционную одежду, не знает Коран, не ходит в мечеть. Тогда каким же образом существует различие мусульмане/не мусульмане? Эта граница задается в проговаривании каждым интерпретатором

тех различий, которые являются критериями «исламскости» и «не исламскости». Безусловно, каждый социальный агент находит, выявляет какие-то свои различия, по-своему понимает ислам. Таким образом, дискурсивных практик существует столько же, сколько и самих интерпретаторов. Хотя в этом множестве обнаруживаются и определенные сходства, основные отправные пункты в толкованиях «мусульманскости», по которым и можно выделить конкретные интерпретативные модели. Это мы и постарались сделать в нашем исследовании.

Исламский дискурс как правило звучит на языке мужчин, так как женщины в этой религии по традиции и согласно божественному предписанию преимущественно молчат. Однако социальная действительность предъявляет нам и те, и другие дискурсы. Мусульманки не лишены опыта дискурсивных практик, а, наоборот, осуществляют их постоянно лишь с той разницей, что их «речь» не доносится до широкой общественности с трибун, с экранов телевизоров, печатных СМИ и т.д. по причине неучастия исламских женщин в общественной/публичной жизни. Несмотря на все это, социальная реальность изнутри наполнена женскими дискурсами, обсуждающими вопросы религии, образования, профессиональной занятости, досуга и, наконец, обыденной жизни с ее бытом и укладом.

Проведенное исследование было направлено на то, чтобы услышать в мужском мусульманском мире «разговоры» женщин, проследить, как мусульманки конструируют свои сообщества, семьи, а также постараться определить, как конструируется их отношение к «не мусульманам», к «своим» и к исламу в целом. Женскому дискурсу зачастую уделяется меньше внимания, чем мужскому, но это никак не оправдывает себя, так как именно на женщинах лежит функция рождения, воспитания детей, а значит, и передачи им социального опыта, которая осуществляется непосредственно через дискурсивные практики. Таким образом, оказывается, что женский исламский дискурс напрямую и в намного большей степени, чем мужской, влияет на воспроизводство и закрепление определенных социальных и религиозных норм, правил и моделей поведения в мусульманских сообществах.

Для проведения исследования было выбрано сообщество мусульман при ижевской мечети. Исследование проводилось методами «включенного» наблюдения и интервью. Объектом наблюдения стали воскресные занятия в мечети для девушек-мусульманок.

Исследуемые все относились к одной возрастной категории — 14-28 лет.

В результате проведенного наблюдения была сконструирована модель сообщества молодых мусульманок г. Ижевска. Основным полем общения исследуемой группы является поле «исламской культуры». Существует специфическое место, где можно ей обучаться. Следовательно, предполагается, что «исламская культура» есть набор принципов, к которым относятся религиозные догматы, вера, но также и правила повседневного поведения — ношение мусульманской одежды, платка, отношение к родителям, друзьям и т.д. Официальный исламский дискурс транслирует жесткие правила, охватывающие всю жизнь мусульманина от ведения здорового образа жизни до поведения во время молитвы, указывая, таким образом, путь к спасению. Выполнение этих правил должно привести к включению мусульманина в идеальный мир — мир ислама, — в котором он должен полностью реализоваться. Индивид, погруженный в мир «светский», соответственно, оказывается недостаточным, неполноценным.

Обучение исламу предполагает демонстрацию некоего «совершенного» состояния человека — состояние «праведника». Такая идеальная модель никогда не совпадает с реальным индивидом, не являющимся «духовным существом» и ограниченным социальными рамками. Зазор, образующийся между тем, «что должно быть» — идеальным образом мусульманина и тем, что есть — социальной ситуацией, в которой находятся слушательницы лекций (индивиды), создают возможность актуализации двух вариантов дискурсов. Один из них связан с критическим отношением к современному обществу, предполагающим необходимость его «улучшения» — это идеологический дискурс «преподавателей». Другой же связан с дискурсивными практиками индивидов, для которых ислам является неким языком, позволяющим придать устойчивость и определенность их собственному существованию.

Современное состояние культуры характеризуется многообразием форм, а социальное поле содержит в себе разнообразные возможности социального выбора. Отсутствие тотальных норм, единых (религиозных, политических, этнических, культурных) границ порождает, с одной стороны, социальную свободу (можно выбрать национальность, пол, религию и т.д.), а с другой стороны — состояние неопределенности, нестабильности, чувство «лишенности кор-

ней», «отсутствия почвы». В этой связи, ислам, предлагающий устойчивые правила повседневного поведения оказывается очень привлекательным как «указывающий путь», предоставляющий устойчивые идентификационные маркеры. Религиозный дискурс служит основой для придания смысла собственному существованию индивида, поскольку он задает порядок и организованность современному социальному «хаосу». Индивид получает очертания собственного существования посредством серии запретов, из которых состоит исламский дискурс (не слушать музыку, не выходить из дома без платка, не отмечать праздников, кроме двух религиозных и т.д.). Посредством таких запретов, которые добровольно соблюдаются людьми, актуализируется сообщество, оформляющееся в этом дискурсе отрицания.

Кроме того, нами было предпринято интервьюирование молодых мусульманок, обучающихся в школе при мечети. «Интервьюирование в рамках устной истории имеет неоценимое значение в развитии представлений о том, как женщины ощущают себя в собственном окружении... В жизненных историях, которые рассказывают респондентки, каждая из них имеет возможность отразить свой уникальный опыт в соответствии со своей классовой, расовой и этнической принадлежностью»¹.

Стоит отметить, что исследуемое сообщество находится на перекрестке трех полей: религиозного, национального и гендерного (женщины, мусульманки, в основном татарки). Исследуемые по всем трем признакам занимают маргинальное положение. Поэтому необходимо как-то развести эти поля. Чтобы проследить, как гендер, национальность и религиозная принадлежность влияют друг на друга в интервью были включены специальные вопросы, касающиеся отношения информантов к различным национальностям, конфессиям и выходящие на их представления о месте, предназначении женщины в обществе.

Структура интервью включает в себя несколько информационных блоков, сгруппированных по определенным темам. Блок 1 — отношение к исламу, к женщине в исламе, религиозной символике, принципам и ценностям. Блок 2 — формальное общение, отношения преподаватели/ученики на занятиях в мечети. Блок 3 — нефор-

¹ Андерсон К., Джек Д. К., Женская устная история: Гендерные исследования // Анализ и техники проведения интервью / Сост. А. Пето. — Б.: ОФ «Центр издательского развития», 2004. — С. 174, 187.

мальное общение, отношение к дружбе, суждения о том, как меняются информанты в процессе учебы в мечети. Блок 4 — представления о будущем (семья, сфера занятости). Блок 5 — сведения о родителях, касающиеся их вероисповедания, национальности и жизненной истории в целом. Блок 6 — образ жизни информантов, их досуг, интересы, стремления, цели и этические принципы, существующие на настоящий момент.

Всего в ходе исследования было взято, обработано и проанализировано пять интервью, которые проходили в форме беседы. Принцип отбора респондентов заключался в фиксации крайних точек исламского дискурса: опыт правоверных, практикующих, «истинных» мусульманок и опыт мусульманок, недавно пришедших в данную религию и по тем или иным причинам маркирующих себя, как не «ярких», не подчиняющихся определенным мусульманским законам. Разговор носил скорее свободный характер, что позволило более или менее полно отслеживать женские дискурсивные практики, основанные на личном жизненном опыте исследуемых, а не подгонять и загонять их в уже существующие рамки мужского исламского дискурса, являющегося доминирующим и, вследствие этого, политизированным.

При анализе способов конструирования представлений исследуемых мусульманок об их будущем (семье, муже, детях и сфере занятости), религиозной символике (ношении платка и длинной широкой одежды), месте женщины в исламе и т.п. можно заключить следующее. Мусульманское сообщество представленное в молодежных женских дискурсивных практиках — это такая точка, из которой разворачивается все поле ислама как социальное поле, которое раскрывается через различные отношения: к семье, замужеству, профессиональной занятости, одежде и моде. Исламское поле вмещает в себя множество различных смыслов. Тогда возникает вопрос, каким образом исламский дискурс себя именуется, определяет, очерчивает свои границы?

В результате выявления интерпретативных моделей изучаемых нами мусульманок мы пришли к выводу о том, что ислам — это система, раскрывающаяся во множестве понятий, отсылающих друг к другу. Даже сам термин «ислам» подразумевает ряд закрепившихся символов, служащих своеобразными маркерами «исламскости». Ислам как система понятий основан на таком принципе, по которому каждый интерпретатор (будь то социальный агент или сам исследо-

ватель) в определенный момент конструирования своей социальной реальности находится в «точке бифуркации» — точке разрыва и в то же время точке выбора, то есть определения существующей в этой точке неопределенности смыслов. Таким образом, находясь на границе исламского дискурса, субъект, конструирующий социальную действительность, обладает множеством возможных (потенциальных) выборов интерпретаций. В конечном счете, он выбирает какую-то одну, тем самым актуализирует ее, делает реально существующей.

Безусловно, исламский дискурс пересекается с другими дискурсами, например, с социальным, экономическим, политическим и т.д. Поэтому он включает в себя и вопросы замужества, профессиональной занятости, проведения досуга и т.п. Таким образом, мусульманское сообщество постоянно самоопределяется с помощью обозначения определенных маркеров «исламскости»: мусульманской одежды, чтения намаза, отношения к замужеству, дружбе, сфере профессиональной занятости, формам проведения досуга, с помощью представлений о месте женщины в исламе, ее преимуществах или слабых сторонах, по сравнению с христианками и светскими девушками, ее образе жизни в целом. Однако, маркеры, используемые респондентками при ответах на вопросы интервью, носят различные смыслы. Эти несовпадения интерпретаций вызваны различиями в жизненном опыте (габитусе соц. агентов), множественностью самой социальной реальности.

Мусульманское сообщество, прежде всего, является коммуникативным, поэтому и определение его происходит в процессе проговаривания с введением вышеназванных маркеров. Однако эти маркеры (понятия) уже находятся в определенном смысловом поле. В таком случае оказывается, что одновременно существуют и первичные интерпретации, и вторичные, когда, к примеру, одежда выступает как в своей привычной, устоявшейся роли, так и в символической, отсылающей к исламскому символическому полю. Стереотипные, общеизвестные смыслы пересекаются с индивидуальными, личностными и, соответственно, узкими, контекстуальными.

Маркеры «исламскости» — это абстракция, пустая форма, в которую индивид, конструируя личную интерпретативную конфигурацию, постоянно привносит свои смыслы. Таким образом, можно сказать, что исламское сообщество актуализируется в непрерывном процессе конструирования, который совершается как самими мусульманами, так и другими агентами социального поля.

Социальная реальность представляет собой поле различных дискурсивных практик, причем, находящихся не в статичном состоянии, а в постоянном отношении друг с другом. Исламское общество также существует не в статике, а только в процессе конструирования, проговаривания и именованя, то есть, только в интерпретациях соц. агентов, которые мы и попытались выявить и типизировать в ходе исследования.

Итак, какие же интерпретативные модели конструирования мусульманских сообществ нам удалось обозначить? Главным образом, обнаружено две дискурсивные исламские практики: модернистская и консервативная, которые, конечно же, различаются внутри себя и между собой, но не выходят за пределы заданных дискурсивных границ. Так, все информантки, кроме четвертой, могут быть отнесены нами к мусульманкам-модернисткам, хотя вторая и пятая респондентки отличаются от первой и третьей более сильным смещением в сторону «исламскости», что обусловлено их жизненными ситуациями (влиянием родителей — в одном случае, и влиянием иной страны, соответственно, и иного культурного поля — в другом). Информантка, именуемая нами как «мусульманка-консерватор» в своих интерпретациях наделяет маркеры «исламскости» традиционными для данной религии смыслами и поэтому не сталкивается с внутрличностными конфликтами в силу того, что ее интерпретативная конфигурация достаточно однородна.

Религиозный дискурс участвует в «борьбе за власть» со светским в социальном опыте каждого социального агента, личности, индивида, который, в свою очередь, не только упорядочивает два этих символических поля, но и осуществляет постоянный выбор или отбор внутри каждого из них, так как светскость и исламскость представляют собой неоднородную множественность, складывающуюся из повседневного опыта людей, их переживаний, размышлений и выборов.

Исламский дискурс для изучаемых мною социальных агентов редко как-то значительно связан со сферой политики, то есть, прежде всего, он является не идеологией, а скорее повседневностью — сводом правил и норм, моделей поведения в обыденной жизни. Так как механизм религии — это идеология, то повседневность — тот же идеологизаторский дискурс. Поэтому нельзя жестко разграничивать религиозную сферу и мирскую. Эти два поля постоянно переплетаются, пересекаются и накладываются, взаимообуславливают

друг друга. Отсюда и внутриличностные конфликты девушек-мусульманок, которые стоят перед выбором светского или религиозного.

Литература

Андерсон К., Джек Д. К., Женская устная история: Гендерные исследования // Анализ и техники проведения интервью / Сост. А. Пето. — Б.: ОФ «Центр издательского развития», 2004.

К. Маркович

ХРИСТИАНСТВО И РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА

1. Христианство среди религий

Христианство является единственной истинной Богооткровенной религией в подлинном смысле этого слова. В Новом Завете Сам Бог, не через мудрецов, учителей и пророков, но устами Своего Единородного Сына, сошедшего с небес и воплотившегося от Пресвятой Девы Марии, возвещает Свое откровение. Человек лицом к лицу встретил Самого Бога, пришедшему из непреступного света в наш мир. Только во Христе человек может обрести единство и полноту общения с Богом. В ночь, накануне Крестных страданий, Христос молился Небесному Отцу обо всех верующих в Него: “Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, [так] и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня” (Иоан.17:20-23).